ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12
УДК 339.98
JEL F50, F51, F52, F62

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Геополитическая фрагментация мировой экономики как вызов XXI века[1]

Наталия В. СМОРОДИНСКАЯ
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Смородинская, Н. В. (2026). Геополитическая фрагментация мировой экономики как вызов XXI века. *AlterEconomics, 23*(1), 210–233. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12

Аннотация. В статье анализируется тренд геополитической фрагментации мировой экономики начала 2020-х годов, угрожающий ее поляризацией на две производственные экосистемы с альтернативными технологическими стандартами — Западный блок стран во главе с США и Восточный во главе с Китаем. Сначала с позиций геоэкономики (новой междисциплинарной области исследований, изучающей взаимосвязи между экономическими процессами и геополитикой) уточняется трактовка ряда важных понятий (секьюритизация, вепонизация, экономический стейткрафт, технологический национализм и др.), необходимых для анализа перемен в характере поведения и взаимодействия стран в XXI веке. Затем в контексте кризиса либерального международного порядка рассматривается сам тренд геополитической фрагментации и логика его негативного воздействия на экономический рост (с опорой на имеющиеся в литературе результаты моделирования). Показано, что, в отличие от деглобализации 2010-х года или вариантов экономической регионализации, данный тренд обусловлен стратегическими решениями правительств в области безопасности и может разворачиваться вразрез с логикой рыночной эффективности. Далее рассмотрен ключевой драйвер геополитической фрагментации — соперничество США и Китая за глобальное технологическое доминирование, включая их стратегии по достижению технологического суверенитета (самодостаточности). Подчеркивается, что это соперничество ставит большинство стран перед дилеммой принудительного геополитического выбора между двумя блоками, не имеющей эффективного экономического решения, а сама поляризация мира на блоки ведет к падению глобальной эффективности, сокращая потенциал роста у всех типов национальных экономик. В заключение делается вывод, что тренд фрагментации продолжится, а исход соперничества двух сверхдержав будет определять новый международный порядок. Вместе с тем ход технологического прогресса может со временем вернуть страны к прежней внешней открытости, а политика экономического принуждения, используемая США и Китаем, — упереться в новую модель глобализации, основанную на свободной торговле цифровыми услугами.

Ключевые слова: геополитическая фрагментация, геоэкономика, технологический национализм, соперничество США и Китая, технологический суверенитет, экономическая безопасность

Благодарность: Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России».

[1] © Смородинская Н. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Geopolitical Fragmentation of the World Economy as a Challenge of the 21st Century

Nataliya V. SMORODINSKAYA ✉
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Smorodinskaya, N. V. (2026). Geopolitical Fragmentation of the World Economy as a Challenge of the 21st Century. *AlterEconomics, 23*(1), 210–233. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12

Abstract. This study analyzes the trend toward geopolitical fragmentation of the global economy in the early 2020s, which threatens to polarize it into two competing production ecosystems with rival technological standards: a Western bloc led by the United States and an Eastern bloc led by China. The study draws on the perspective of geoeconomics, an interdisciplinary field that examines the links between economic processes and geopolitics. Key concepts, including securitization, weaponization, economic statecraft, and technological nationalism, are explained to illuminate the changing nature of state behavior and interactions in the twenty-first century. In the context of the crisis of the liberal international order, the study examines the dynamics of geopolitical fragmentation and uses existing modeling results to explore how it negatively affects economic growth. Unlike the deglobalization of the 2010s or processes of economic regionalization, this trend is driven primarily by governments' strategic decisions in the security domain and may unfold in ways that diverge from the logic of market efficiency. The principal driver of fragmentation is the technological rivalry between the United States and China, including their respective strategies for achieving technological sovereignty. This rivalry imposes on most countries a dilemma of forced geopolitical alignment between the two blocs, for which no economically efficient solution exists. Polarization itself constitutes an independent source of declining global efficiency, reducing the growth potential of national economies. The trend toward fragmentation is likely to persist, and the outcome of the U.S.–China rivalry will play a decisive role in shaping the emerging international order. At the same time, technological progress may eventually encourage a return to greater economic openness, while the economic coercion policies pursued by both the United States and China may come into tension with an emerging model of globalization based on the free flow of digital services.

Keywords: geopolitical fragmentation, geoeconomics, technological nationalism, US-China rivalry, technological sovereignty, economic security

Acknowledgments: The study was carried out at the Centre for Innovation Economy and Industrial Policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences under the state assignment "Structural modernization and ensuring Russia's technological sovereignty."

1. Введение

В 2025 г. геополитические конфликты между странами и разворот США при втором президентстве Д. Трампа от традиционной роли лидера либеральной демократии к политике глобального тарифного торга обозначили окончательное крушение либерального международного порядка (*Liberal International Order*), действовавшего на протяжении почти 80 лет. Этот порядок, введенный в конце 1940-х гг. по инициативе США и их союзников, устанавливал в системе международных экономических взаимодействий либеральные принципы (экономическая открытость, свобода торговли и рыночной конкуренции, инклюзивная многосторонняя кооперация) в расчете на то, что они приведут к повышению взаимной торговой-экономической зависимости стран друг от друга как гарантии против развязывания новых мировых войн (Brands, 2025). В 1990-е гг., с окончанием Холодной войны, либеральные принципы стали универсальной основой глобального экономического управления, а страны Запада и Востока, включая догоняющие постсоветские экономики, начали стремительно наращивать связи и получать взаимные выгоды как партнеры по глобальным цепочкам. В итоге либеральный порядок обеспечил самый длительный

в современной истории период отсутствия глобальных военных конфликтов, сформировал эффективную модель распределенного производства и сделал глобализацию игрой с положительной суммой (*win-win game*), где все участники выигрывали от снижения издержек и повышения устойчивости роста[1] (Mariotti, 2024).

Однако за три десятилетия бурной глобализации, интеграции и особой скорости обновления цифровых технологий в мировой экономике появились новые центры влияния, новые структурные дисбалансы и новые типы рисков. К 2020-м гг. обнаружилось, что возросшая сетевая связность всех крупных экономик мира имеет изнаночную сторону — значительный потенциал для конфликта интересов и геополитических трений. И развитые, и развивающиеся страны столкнулись с широким спектром вызовов в своих взаимодействиях: волновое распространение внезапных шоков по каналам глобальных поставок, трансформация взаимозависимости из инструмента развития в оружие принуждения партнеров к уступкам (вепонизация), необходимость вступления в непрерывную технологическую гонку, превращающую партнеров в соперников, и др. На этом фоне шоки и коллизии последних лет подтолкнули их к радикальному пересмотру либеральных установок: экономическая открытость и взаимная зависимость воспринимаются теперь не как источник выгод и долгосрочной стабильности, а как фактор уязвимости перед внешним давлением и угроза подрыва суверенитета (Aiyar et al., 2023; De Bolle et al., 2025).

Как результат, с начала 2020-х гг. на всех континентах началась синхронная и массовая секьюритизация национальных экономических курсов. Впервые в современной истории правительства переориентируют свои промышленные и научно-технологические стратегии с традиционных задач повышения экономической эффективности на приоритеты геополитики и укрепления эконмической безопасности. Этот разворот сопровождается возрождением в странах альтернативных либеральному порядку принципов протекционизма и экономического национализма, как правило, с фокусом на различных вариантах технологического национализма, от обеспечения самодостаточности и суверенитета до амбициозных задач достижения технологического лидерства (Смородинская, Катуков, 2024b; 2024a).

С резким отходом стран от либерального порядка система их экономических взаимодействий утратила прежние коллективные правила игры, не имея новых, и, по сути, вошла в хаотичную фазу неравновесного транзита, особенно при «двусторонних сделках» администрации Трампа (Смородинская и др., 2025). Соответственно, интеграционный тренд в мировой экономике сменился на тренд ее дезинтеграции (фрагментации), порождаемый движением стран к большей экономической закрытости. В данной статье мы стремимся разобраться в этом масштабном вторжении геополитики в логику экономических решений, сосредотачиваясь на феномене геополитической фрагментации, который в последние два года стал одним из ключевых сюжетов международного экономического дискурса. При этом мы исходим из того, что в международной политической экономии появилась новая область теоретических и эмпирических исследований — геоэкономика (*geoeconomics*), сконцентрированная на изучении взаимосвязей между экономическими процессами и геополитикой, прежде всего в контексте

[1] В частности, благодаря включению в цепочки мировых лидеров не только крупные (Китай, Индия, Бразилия), но и небольшие развивающиеся страны (Вьетнам, Таиланд, Чили и др.) смогли совершить рывок в промышленном производстве и экспорте за счет притока прямых иностранных инвестиций и доступа к передовым технологиям.

борьбы стран за международное влияние и комплексное обеспечение безопасности (Mohr & Trebesch, 2025).

В начале статьи описывается важная геоэкономическая лексика, вошедшая в научный оборот. Мы стремимся уточнить трактовку ряда понятий (секьюритизация, вепонизация, экономический стейткрафт, технологический национализм и др.), необходимых для анализа перемен в характере поведения и взаимодействия стран в XXI в. Затем мы рассмотрим непосредственно тренд фрагментации мировой экономики на геополитические блоки, поясним отличие этого процесса от других вариантов фрагментации и феномена деглобализации 2010-х гг., а также разберем логику его негативного воздействия на экономический рост, опираясь на имеющиеся в литературе результаты моделирования. Третья часть статьи посвящена главному драйверу геополитической фрагментации — стратегическому соперничеству США и Китая за глобальное технологическое доминирование. Сравнивая курсы обеих держав на технологическую самодостаточность, мы показываем зеркальное различие их подходов к взаимному соперничеству, а также однотипность его агрессивных методов, вынуждающих большинство стран идти на принудительный выбор между Западным и Восточным блоками, не имеющий эффективного экономического решения.

Мы приходим к выводу, что в обозримой перспективе фрагментация мира на блоки будет инерционно продолжаться, а исход соперничества двух сверхдержав будет во многом определять новый международный порядок. Вместе с тем ход технологического прогресса может со временем вернуть страны к прежней внешней открытости, а политика экономического принуждения, используемая США и Китаем, — упереться в новую модель глобализации, основанную на свободной торговле цифровыми услугами.

2. Включение геополитики в экономический ландшафт: новые геоэкономические понятия

Для анализа происходящих перемен в системе межстрановых взаимодействий и растущего влияния геополитических соображений на стратегии национального развития экономисты стали всё больше обращаться к понятийным заимствованиям из современной политологии и теории международных отношений. Возникшая в ходе научных дискуссий область междисциплинарных исследований, именуемая геоэкономикой, лишь только формируется и пока имеет размытые предметные рамки. Однако реалии и вызовы, с которыми столкнулись правительства, явно вышли за пределы привычной терминологии, представленной в экономическом мейнстриме.

Термин «геоэкономика» впервые появился в 1990 г. в статье американского экономиста и историка Э. Люттвака «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли» (Luttwak, 1990). Описывая новую эру межгосударственного соперничества после окончания Холодной войны, автор подчеркивал, что логика военных конфликтов осталась прежней, но реализуется теперь не с помощью военной силы, а в виде торгово-экономических практик, призванных обеспечить стране технологическое превосходство над соперником, безопасность и захват доли мирового рынка[1]. Позднее специалисты-международники разработали более широкое понятие геоэкономики как результата слияния геополитики с вопросами экономического

[1] По сути, Э. Люттвак предварил появившееся позднее понятие «вепонизации торговли». Его работа легла в основу современных дискуссий о торговых войнах, санкциях как инструменте принуждения и об использовании торгово-экономической зависимости партнеров в стратегических целях, в частности, в соперничестве между США и Китаем.

развития (Council on Foreign Relations, 2025)[1]. Именно эта трактовка легла в начале 2020-х гг. в основу теоретических дискуссий и эмпирических работ, ставших концептуальным ответом экономистов на синхронное вхождение стран в фазу радикальной перестройки многолетних правил игры.

Согласно обстоятельной обзорной работе К. Мор и К. Требеша (Mohr & Trebesch, 2025), геоэкономика изучает систему взаимосвязей между геополитическими и экономическими процессами, причем геополитика рассматривается ею как международное политическое соперничество стран за влияние и контроль над стратегическими пространствами (территориями и их населением). Проще говоря, геоэкономический анализ сводится к выявлению того, как геополитические приоритеты стран формируют их экономическую политику и ее инструменты, и наоборот, — как экономическая повестка стран влияет на достижение ими своих геополитических целей. Если политэкономия исследует взаимоотношения между политикой и экономикой в целом, то геоэкономика фокусируется на международных аспектах этих отношений.

Рассмотрим ряд важных концептуальных понятий из корпуса литературы по геоэкономике, которые помогают осмыслить новый характер поведения стран, связанный с разворотом их экономических курсов на приоритеты безопасности и с рисками фрагментации мировой экономики на геополитические блоки.

Геополитический риск (geopolitical risk). Это понятие определяется как угроза, реализация или эскалация неблагоприятных событий, ведущих к возрастанию политической напряженности между государствами, которое препятствует мирному развитию международных отношений (вооруженные конфликты, терроризм и др.) (Caldara & Iacoviello, 2022).

Международный экономический порядок (International economic order). Это понятие имеет множество трактовок в современных исследованиях (Тамбовцев, 2025). Одни авторы понимают под ним совокупность стран, упорядоченных по своей экономической мощи и силе влияния, т. е. сложившийся на данном этапе баланс экономических сил и траекторию его изменения, другие рассматривают порядок как международное соглашение о правилах игры, регулирующих нормах и институтах, определяющих поведение стран и принципы их экономического взаимодействия (Ing & Rodrik, 2025). В последние годы в литературе также используется понятие «геоэкономического порядка» (*geoeconomic order*), которое подчеркивает соединение экономических и геополитических мотивов во внешнеэкономическом поведении стран (торговых, инвестиционных, технологических взаимодействиях), отражающее процесс секьюритизации национальных экономических стратегий при одновременном проникновении экономических императивов в стратегии национальной безопасности (Roberts et al., 2019).

Великие державы (great powers). Политологи и историки квалифицируют так государства, способные распространять свое влияние далеко за пределы собственных границ посредством военной мощи, международной торговли или финансовых инструментов (Kennedy, 1987). В современных профильных исследованиях к числу великих держав традиционно относят США, Великобританию, Францию, Германию, Россию, Японию, Китай, а в последние десятилетия ещё Индию и Бразилию (Mohr & Trebesch, 2025).

[1] Council on Foreign Relations. (2025). *U.S. economic security: Winning the race for tomorrow's technologies*. Task force report. (No. 83). [Электронный ресурс]. https://cfr.org/task-force-report/us-economic-security (дата обращения: 10.12.2025).

Экономическая безопасность (economic security). Это понятие прошло заметную эволюцию — от нейтрализации итогов больших кризисов (1930-е гг.) до действий государства в условиях Холодной войны (1970-е гг.), приравнивания безопасности к национальной экономической конкурентоспособности (по Портеру, 1990 г.) или, уже на современном этапе, — к обеспечению технологического суверенитета в условиях геополитических вызовов (Кузьмин, Портанский, 2025). Однако до сих пор оно не имеет однозначной научной трактовки (Афонцев, 2020). Представители геоэкономики рассматривают его как результат проникновения приоритетов национальной безопасности, традиционно тяготеющих к вопросам обороны, в национальные стратегии экономического развития, традиционно тяготеющие в экономическом мейнстриме к вопросам повышения эффективности (Council on Foreign Relations, 2025)[1]. В формулировке М. Гудмана, директора Гринбергского центра геоэкономических исследований (США), политика экономической безопасности — это особое направление национальной внешней политики, которое охватывает любые государственные интервенции по смягчению внешних экономических рисков (шок пандемии, изменение климата, наложение санкций, импортная зависимость и др.), способных нанести ущерб национальной безопасности страны или ее долгосрочному благосостоянию (Policymaking is all about Trade-Offs, 2024)[2].

Секьюритизация (securitization). Согласно концепции секьюритизации, разработанной Копенгагенской школой исследований безопасности, любая проблема общественного развития, возводимая в ранг проблем безопасности, трактуется как экзистенциальная угроза для государства, общества или системы международных отношений, что требует от правительств не просто структурированной политики, а специальных, экстраординарных мер, нацеленных на выживание системы (Balzacq et al., 2016). Синхронная секьюритизация странами своих промышленных и научно-технологических стратегий в начале 2020-х гг. подчиняет их повестку вопросам безопасности. Страны теперь исходят из неизбежности конфликта интересов (вместо прежнего поиска взаимовыгодного консенсуса) и минимизируют многосторонние международные обязательства как ограничивающие их суверенитет (De Bolle et al., 2025). Концентрируясь на внешних угрозах, они стремятся обеспечить безопасность любой ценой, ослабить критическую зависимость от входящих зарубежных потоков и достичь эксклюзивных выигрышей в технологической гонке (Смородинская и др., 2025). В литературе также отмечается популистский характер курса на секьюритизацию, вызванный попыткой правительств объяснить истоки внутренних структурных проблем или межстрановых дисбалансов (рост социального неравенства, торговые дефициты) изъянами глобализации и экономической открытости.[3]

---

[1] Council on Foreign Relations. (2025). *U.S. economic security: Winning the race for tomorrow's technologies*. Task force report. (No. 83). [Электронный ресурс]. https://cfr.org/task-force-report/us-economic-security (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Policymaking is all about Trade-Offs. (2024, April 01). *Council on Foreign Relations*. [Электронный ресурс]. https://cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs (дата обращения: 02.01.2026).

[3] К проявлениям подобного популизма экономисты относят идею Брекзита (2016 г.), призывы правительств к свертыванию странами своего участия в глобальных цепочках при шоке пандемии («идеальный шторм» глобализации весной 2020 г.), развязывание США первой торговой войны с Китаем ради устранения последствий офшоринга (2018 г.) и развертывание Трампом глобального раунда повышения тарифов (2025 г.) (WTO, 2025).

Экономический национализм (economic nationalism). Исторически эта доктрина приоритезирует развитие национального рынка над задачами экономической интеграции, поддержку национальных компаний в конкуренции с иностранными или ограничение иностранного присутствия в экономике. Такой курс может быть нацелен как на догоняющее развитие страны, так и на встречное сдерживание развития стран-конкурентов (De Bolle et al., 2025). Его современная модель 2020-х гг. выстраивается вокруг секьюритизации: под знаком безопасности страны возвращаются к широким государственным интервенциям, более закрытой модели роста (протекционизм, импортозамещение, локализация поставок) и продвижению на внешних рынках своих экономических интересов без учета интересов партнеров или в ущерб им (Hauge et al., 2025). Центральной повесткой, связанной с геополитикой, становится *технологический национализм*, нацеленный на достижение самодостаточности, суверенитета или лидерства в сфере технологического развития (Capri, 2024). Сегодня все крупные экономики Глобального Севера и Глобального Юга планируют в той или иной мере добиться суверенитета в критически важных технологиях, одновременно претендуя на лидерство в отдельных передовых технологиях (Смородинская, Катуков, 2024b).

Вепонизация взаимозависимостей (weaponized interdependence). Вепонизация странами взаимных торгово-финансовых и технологических зависимостей, возросших в ходе глобализации, считается новым мощным экономическим оружием, которое может распространяться по миру подобно ядерному оружию, превращая эти зависимости в рычаги внешнеполитического давления и стратегического влияния (Farrell & Newman, 2025; Mohr & Trebesch, 2025). Влиятельные страны (великие державы) воздействуют на партнеров и сдерживают конкурентов, зависящих от их поставок или спроса, с помощью разнообразных инструментов *экономического принуждения* (*economic coercion*) (Drezner, 2024). Так, США широко пользуются рычагами финансового и санкционного давления на партнеров в интересах геополитики, Китай создал мощный государственный аппарат для перехвата у США новейших технологий и получения конкурентных выигрышей, а торговая война Трампа 2025 г., когда подъем тарифов стал впервые применяться как способ тотального давления на остальной мир, открыла эпоху массовой вепонизации (Farrell & Newman, 2025; Смородинская и др., 2025). Стратегии принуждения и силового сдерживания расцениваются в литературе как исключительно деструктивные по своим последствиям и ведущие к нарастанию геополитической напряженности (WTO, 2025).

Экономический стейткрафт (economic statecraft). Понятие стейткрафта (от англ. слов «государство» и «мастерство», обозначающих в сочетании «искусство госуправления») составляет основу практического инструментария геоэкономической политики. Речь идет о комплексе специфических мер, посредством которых правительства реализуют одновременно три приоритета — достижение экономической безопасности, ускорение технологического развития и расширение геополитического влияния (Blackwill & Harris, 2017). Стейткрафт охватывает все виды экономического принуждения (санкции, вепонизацию торговли, подъем тарифов, экспортный контроль, инвестиционный скрининг и др.), а также набор стимулов, направляющих действия национального бизнеса на внешних рынках в заданное правительством русло геополитики (Drezner, 2024). В частности, правительства перешли к политике избирательного сотрудничества, разделив партнеров на страны-единомышленники, отношения с которыми строятся на принципах френдшоринга, и на «страны риска», для которых

предусмотрены принципы де-рискинга (ограничение связей) или декаплинга (полный разрыв связей в определенных секторах). Секьюритизация торговых связей размывает четкие грани между традиционными мерами протекционизма (например, повышение импортных пошлин) и современными инструментами внешнеэкономического давления, когда эти меры используются как оружие для принуждения партнеров к уступкам (например, тарифная война Д. Трампа в 2025 г.)[1]. Поэтому стейткрафт причудливо сочетает в себе защиту экономики от внешних угроз, включая угрозу вепонизации цепочек поставок, с агрессивным продвижением национальных интересов на внешних рынках, включая собственные меры вепонизации против стран-соперников (Смородинская и др., 2025).

Геоэкономическая фрагментация (geoeconomic fragmentation). Она определяется как процесс свертывания глобальной экономической интеграции стран и рынков, обусловленный геополитическими мотивами и стратегическими соображениями правительств, включая их реакцию на возросшие геополитические риски (Aiyar et al., 2023). В современной литературе этот термин всё чаще используется как синоним *геополитической фрагментации* мировой экономики (Fernández-Villaverde et al., 2024). Геополитическое размежевание стран может происходить по самым разным каналам (торговые, инвестиционные, валютно-финансовые связи и др.) (Хейфец, 2024), но наиболее значительные глобальные последствия вызывает технологический декаплинг крупнейших экономик, включая взаимное ограничение поставок критической высокотехнологичной продукции и свертывание научно-технологического сотрудничества (Li, 2025). При этом связь геополитики и технологического прогресса пока изучена недостаточно (Mohr & Trebesch, 2025), особенно в контексте развития искусственного интеллекта и «зеленых технологий» (Konrad, 2024) — сфер ожесточенной борьбы стран за глобальное лидерство, где стратегии мультинациональных корпораций переплетаются с интересами национальной безопасности.

3. Геополитическая фрагментация и ее макроэкономические издержки

В новой мировой реальности XXI в. геополитические и ценностные приоритеты стран, диктуемые соображениями безопасности, всё шире доминируют над соображениями о сопутствующих экономических потерях, порождаемых движением наций к большей торговой и технологической закрытости. Готовность правительств усиливать самодостаточность национальных экономик и выстраивать их внешние связи только с идеологически близкими партнерами повышает угрозу новой фрагментации мира на недружественные блоки, которые соперничают и минимизируют взаимное сотрудничество, — подобно ситуации с прежней Холодной войной второй половины XX в.

В начале 2020-х гг. мировые лидеры и ведущие аналитические центры начали активно обсуждать и моделировать сценарии «Холодной войны 2.0», в которых условный Западный блок (США и их союзники, включая ЕС) полностью отделится от условного Восточного блока (Китай и его союзники, включая Россию) — при появлении группы нейтральных стран, стремящихся маневрировать между обоими блоками (Baqaee et al., 2024; Panon et al., 2024). Правительства видят угрозу в том, что возможный технологический декаплинг США и Китая приведет к поляризации

[1] В российской экономической литературе практика использования странами традиционных мер протекционизма в качестве инструмента давления на партнеров (в нарушении правил ВТО) описывается как феномен *неопротекционизма*, характерный для XXI в. (Мальцев, Чичилимов, 2023).

мировой экономики на две обособленных производственных экосистемы — тех, кто участвует в глобальных цепочках с опорой на технологические стандарты США, и тех, кто выстраивает технологические линии с ориентацией на Китай (Gopinath et al., 2025; Brands, 2025). Такое обособление деформирует сложившиеся механизмы глобальной конкуренции и международной кооперации, значительно сужая выгоды распределенного производства, которые поддерживали и ускоряли рост национальных экономик три прошлых десятилетия.

Хотя скорость и отраслевой охват обособления торговых блоков сегодня не очевидны, а состав их участников может сильно отклониться от ожидаемого (так, при втором президентстве Трампа из предполагаемого блока США могут выпасть их ближайшие союзники — Канада и Европа), движение США и Китая в сторону торгового и технологического декаплинга будет, скорее всего, нарастать, выступая конституирующим фактором фрагментации глобализированного мира на две системы связей. Таково общее видение и американских, и китайских исследователей, и западных, и восточных авторов, включая российских (Ing & Rodrik, 2025; Brands, 2025; Quah, 2025; Li, 2025; Кузьмин, Портанский, 2025).

С ростом геополитической напряженности в литературе стремительно множатся эмпирические работы по выявлению признаков фрагментации, френдшоринга и декаплинга — как явлений, подрывающих глобальную интеграцию (Aiyar et al., 2023). Наиболее емким индикатором динамики этого процесса стал *интегральный индекс геополитической фрагментации* — композитный показатель, охватывающий широкий спектр композитных субиндексов в области роста неопределенности, геополитических рисков, барьеров в торговле, инвестициях, политических связях и др. (рис. 1).

Индекс демонстрирует кардинальную смену исторических трендов в 2020-е гг. В период Холодной войны он стагнировал на околонулевой отметке (1975–1993 гг.), в 1990-е гг. — устойчиво снижался, отражая рост интеграции в ходе бурной глобализации, а после глобального кризиса 2008 г. индекс начал плавно расти и сделал не-

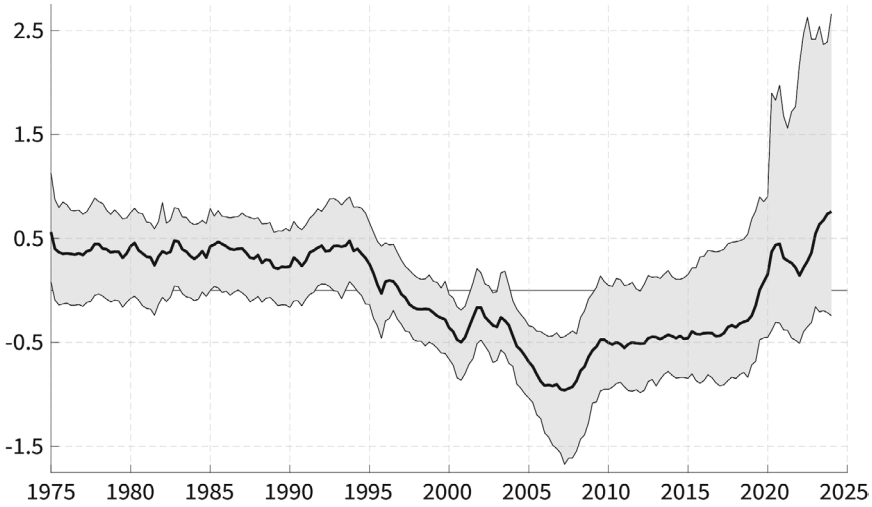

Рис. 1. *Интегральный индекс геополитической фрагментации, 1975–2025 гг. (источник: (Fernández-Villaverde et al., 2024))*
Fig. 1. *Integral Index of Geopolitical Fragmentation, 1975–2025*

который скачок в ходе первой торговой войны между США и Китаем (2018–2019 гг.) из-за взрывного подъема неопределенности в цепочках поставок. Шок пандемии 2020 г. поднял неопределённость еще выше, порождая призывы западных лидеров к решорингу и протекционизму, к ослаблению повышенной зависимости Европы от промежуточных поставок из Китая. *А после 2022 г. фрагментация резко взлетела до максимальных уровней за последние полвека,* отражая геополитические риски и возникшие торговые барьеры в условиях российско-украинского конфликта, введения западных санкций против России и российских контрсанкций в отношении Европы. Именно тогда в повестку дня вошла предложенная США идея френшоринга, а страны Запада начали пересматривать принцип инклюзивности в торговле, нацеливаясь на выбор партнеров с учетом фактора демократических ценностей и меньшей степени риска (Brands, 2025). Экономисты МВФ объясняют беспрецедентный подъем индекса именно геополитикой, вызвавшей секьюритизацию национальных экономических курсов и масштабную перестройку цепочек поставок на принципах френдшоринга (Gopinath et al., 2025).

В логике МВФ геополитическая фрагментация 2020-х гг. принципиально отличается как от иных случаев фрагментации, так и от естественной деглобализации после глобального кризиса 2008 г., именуемой в литературе слоубализацией (*slowbalization*) — замедлением мировой торговли при сохранении ее прежней открытости после двух десятилетий бурной экспансии. Эта модельная разница заключается в следующем (рис. 2).

Деглобализация представляет собой естественное сокращение или замедление роста экономических связей между странами (торговых, инвестиционных и др.) под влиянием изменений в технологиях, рыночной конъюнктуре или системе государственного регулирования. Этот процесс во многом определяется реакцией рынков, отражая изменение экономической эффективности различных форм международной кооперации.

Экономическая фрагментация обусловлена теми же сдвигами, но связана с рыночной регионализацией связей. В этом случае близкие друг другу страны

Рис. 2. *Соотношение деглобализации, экономической фрагментации и геополитической фрагментации (источник: адаптировано из (Norring, 2024))*
Fig. 2. *Relationship between Deglobalization, Economic Fragmentation, and Geopolitical Fragmentation*

(географически, институционально, по принципам внешней политики) выстраивают интеграционные альянсы с учетом факторов экономической эффективности[1]. Такая фрагментация далеко не всегда усиливает деглобализацию, поскольку межблоковое сокращение торговых связей может быть компенсировано ростом внутриблоковых (полностью или частично).

Геополитическая фрагментация является особым случаем, обусловленным стратегическими решениями правительств в области национальной безопасности, экономической самодостаточности или технологического соперничества. В этом случае перенаправление торговых потоков и образование блоков происходит по осям геополитического раскола «Восток — Запад» — вне связи с рыночным ходом интеграции и часто вопреки соображениям экономической эффективности. Поэтому данная модель фрагментации чревата нарастанием структурных деформаций и производственных затрат. Как показало моделирование (Ambrosino et al., 2026), в отличие от слоубализации 2010-х гг., фрагментация 2020-х гг. может сопровождаться не столько сокращением общего объема мировой торговли, сколько экономическим ущербом из-за возникающих геополитических барьеров на пути движения ресурсных потоков и, как следствие, неоптимальной структуры их распределения. Тем не менее правительства могут сознательно идти на макроэкономические издержки ради приоритетов безопасности или нанесения урона геополитическим соперникам, делая тем самым экономику заложницей геополитики (Norring, 2024).

Сегодня у экономистов сложился консенсус: *геополитической разлом может нести странам и миру серьезные потери в экономическом росте — в текущей макродинамике и особенно в долгосрочном потенциале, влияющем на уровень благосостояния.* Независимо от применяемых методик, все модельные расчеты в области фрагментации констатируют общий тренд возрастания издержек и падения эффективности от разрушения привычных экономических связей (Aiyar et al., 2023). Как отмечается в исследовании экспертов МВФ с красноречивым названием «Разделенные, мы рухнем» (“Divided We Fall”), помимо ограничений в торговле, фрагментация может сегментировать рынки, сокращать доступ стран к технологиям и рабочей силе, ограничивать потоки капиталов и международную кооперацию в целом, что в итоге снижает совокупную производительность и уровень жизни (Hakobyan et al., 2023).

Ключевые издержки геополитической фрагментации проистекают из разрыва глобальных цепочек поставок, где сегодня сосредоточено две трети мировой торговли промежуточными товарами. В этих условиях даже частичное прерывание поставок критической промежуточной продукции со стороны недружественных партнеров оборачивается для страны потерями в создании добавленной стоимости и, как следствие, — в объеме производства и экспорта. Одновременно может ускориться инфляция и сильно подорожать конечная продукция отраслей — из-за удорожания импорта и издержек переформатирования цепочек (Attinasi et al., 2025).

Литература последних лет содержит многообразные количественные оценки потерь от поляризации мира на блоки[2]. Так, расчеты экспертов ЕБРР (Javorcik et al., 2024) показывают, что только одна политика френшоринга, связанная с перено-

[1] Мы относим к обычным, естественным случаям фрагментации любые варианты экономической регионализации, которые определяются преимущественно рыночными процессами, включая интеграционную и макрорегиональную модели регионализации, выделенные в работах проф. Б. А. Хейфеца (Хейфец, 2024).

[2] В российских источниках обзор этих оценок содержится, в частности, в работе (Хейфец, 2024).

сом торговли или мощностей на территорию стран-союзников, может потенциально свести на нет выгоды от глобальной экономической интеграции последних десятилетий. По их оценке, френдшоринг, призванный обеспечить снижение рисков от вепонизации или от срыва поставок критического импорта, равнозначен введению дополнительных торговых ограничений, которые повышают издержки страны минимум на 20 % и ведут к потерям ее реального ВВП до 4,7 %. По другим оценкам, углубленная фрагментация торговли (по отраслевому охвату), особенно в сочетании с технологическим декаплингом, может ощутимо сжать ВВП у многих стран мира (Aiyar et al., 2023). Установлено также, что если разъединение между Западным и Восточным блоками охватит все отрасли, а не только стратегические сектора, то мировой ВВП может потерять в объеме до 15 % (Attinasi et al., 2025).

Другой консенсусный вывод экономистов заключается в том, что блоковое размежевание ведет к упущенному росту во всех странах без исключения, причем развивающиеся экономики пострадают больше, чем развитые, а самыми уязвимыми окажутся небольшие страны Глобального Юга, которые слабо интегрированы с рынками крупнейших экономик и не обладают достаточными ресурсами для наращивания технологической самодостаточности (Aiyar et al., 2023; Fernández-Villaverde et al., 2024). Оценки экспертов МВФ и ряда центробанков подтверждаются расчетами Кильского института мировой экономики (Германия): при любом, жестком или мягком, сценарии разъединения потери стран Восточного блока могут оказаться выше, чем у любой западной страны — и на коротком, и особенно на длинном горизонте (Baqaee et al., 2024).

Наконец, блоковые барьеры неизбежно ведут к глобальному падению эффективности (Attinasi et al., 2025). Поэтому даже если перестройка глобальных торговых потоков принесет отдельным странам какие-то индивидуальные выигрыши (например, надежные поставки критического импорта или доступ к новым рынкам сбыта), эти преимущества будут с высокой вероятностью перекрыты эффектами потерь по другим каналам воздействия фрагментации (по линии притока прямых иностранных инвестиций, доступа на мировые финансовые рынки, трансферта технологий и др.) (Norring, 2024).

4. Драйвер геополитической фрагментации — технологическое соперничество США и Китая

Среди фундаментальных факторов, обусловивших секьюритизацию национальных экономических курсов и, как следствие, угрозу разделения мировой экономики на недружественные блоки, решающим остается нарастание стратегического соперничества между США и Китаем за мировое технологическое доминирование в ключевых отраслях будущего (Смородинская и др., 2025).

Действительно, за два десятилетия интенсивного промышленного подъема Китай трансформировался из догоняющей экономики в мощный центр силы, способный подорвать влияние США как главного мирового гегемона и успешно противостоять всему западному миру. К 2020-м гг. Китай стал не только главным мировым экспортером и единственной глобальной индустриальной фабрикой, контролирующей около 35 % мирового промышленного выпуска, но и прямым конкурентом развитых стран в наиболее важных сегментах международной торговли (Смородинская, Катуков, 2024b)

Во-первых, Китай кардинально сблизил с Западом состав и уровень сложности своей экспортной продукции. Теперь ее номенклатура почти наполовину

(49 %) совпадает с американской и еще больше (56 %) с европейской, что означает прямую конкуренцию на мировых рынках, включая рынки Глобального Юга (De Soyres et al., 2025). Одновременно Китай достиг высокой самодостаточности в ключевых высокотехнологичных отраслях и теперь всё меньше нуждается в импорте западных аналогов. Более того, он всё шире покрывает потенциальные продуктовые потребности развитых стран, включая их спрос на чувствительные для безопасности технологии и критические минералы (De Soyres et al., 2025). Удешевляя свои поставки с помощью ценового демпинга и масштабного субсидирования фирм-экспортеров (что является прямым нарушением правил ВТО), Китай проводит политику агрессивной экспортной экспансии, вытесняющую западных производителей не только с рынков третьих стран, но и с их собственных внутренних рынков, особенно в Европе (Friesenbichler et al., 2024).

Во-вторых, Китай практически перевернул характер взаимных зависимостей с США (Baldwin & Forslid, 2023). Если в начале 2000-х гг. его промышленность критически зависела от промежуточного американского импорта, то в начале 2020-х гг. эта зависимость оказалась втрое ниже, чем встречная импортная зависимость США от промежуточных китайских поставок. Одновременно Китай резко ослабил свою опору на американские рынки сбыта, хотя она всё еще остается шире, чем экспортная опора США на китайский промышленный спрос (рис. 3). Побочным эффектом стало обострение для США (как и для других стран Запада) проблемы торгового дефицита с Китаем, послужившее в 2025 г. одним из аргументов администрации Д. Трампа для развертывания тарифной войны.

В-третьих, опираясь на мощь и целевые инвестиции государства, Китай совершил за последнее десятилетие уникальный для переходных экономик технологический рывок: к 2025 г. он вошел в первую десятку самых технологически развитых стран мира, обогнав по позициям в Глобальном инновационном индексе значительно более богатые Францию, Германию и Японию (WIPO, 2025). Сегодня Китай всё еще отстает от США в развитии полупроводниковой индустрии, но уже опережает их на других стратегических направлениях (ядерный синтез, квантовые

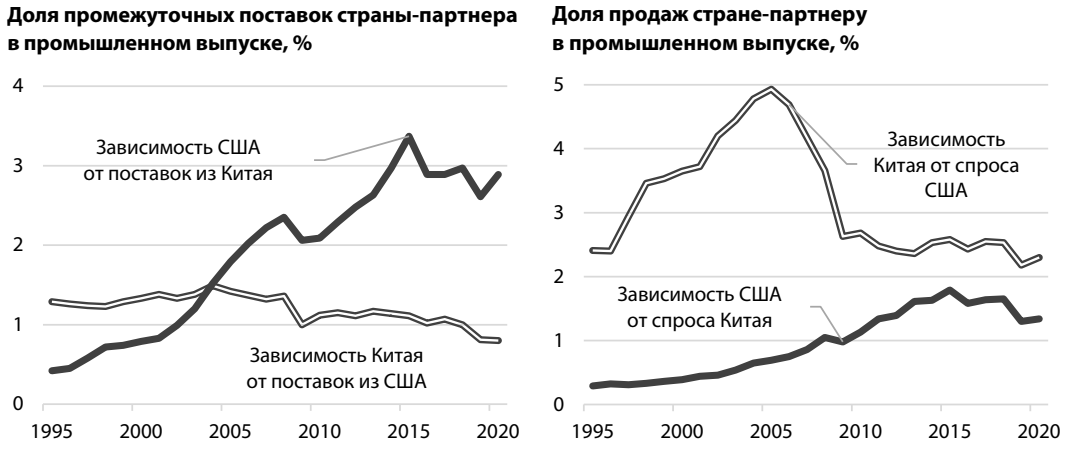

Рис. 3. *Изменение модели производственной взаимозависимости между США и Китаем (источник: (Смородинская, Катуков, 2024b) (составлено по методике Р. Болдуина на данных OECD-TiVA database, 2023))*
Fig. 3. *Changes in the Model of Production Interdependence between the USA and China*

технологии и др.), быстро приближаясь к паритету в сфере промышленной робототехники и искусственного интеллекта (Atkinson, 2024). Китайские фирмы теперь доминируют в глобальных цепочках поставок многих высокотехнологичных отраслей, контролируя подавляющую часть (60–80 %) мировых мощностей по созданию солнечных панелей, аккумуляторов и электромобилей и, что особенно важно, — по обработке критических минералов. В предыдущие десятилетия Китай выступал имитатором западных инноваций, а теперь западные фирмы всё чаще лицензируют и используют китайские патентные достижения (Lind, 2026).

В итоге, если в 2000-е гг. США и другие страны Запада испытали первый «китайский шок», когда Китай начал вытеснять их поставки в трудоемких и низкотехнологичных секторах, то к 2020-м гг. они столкнулись с аналогичным «шоком 2.0» — в средне- и высокотехнологичных секторах (Жуков и др., 2024). Шоком послужило и то, что Китай впечатляюще нарастил технологический потенциал в отсутствие инклюзивных и демократических институтов, которые, по широкому признанию экономистов, служат ключевой предпосылкой для устойчивого инновационного развития[1]. Как показал китайский опыт, современные авторитарные режимы, именуемые в литературе «умным авторитаризмом» (*smart authoritarianism*), могут эффективно балансировать между ужесточением и ослаблением централизованного контроля над обществом, между его информационно-политической закрытостью и открытостью, что позволяет им успешно адаптироваться к технологическим вызовам цифровой эпохи, внедрять инновации и конкурировать с западными демократиями (Lind, 2026).

Вхождение Китая в широкий конфликт интересов с Западом принципиально изменило отношение к нему в Вашингтоне. Почти два десятилетия по окончанию Холодной войны США расценивали Китай как дружественного партнера, рассчитывая на его «естественную» политическую демократизацию за счет вовлечения в многостороннее сотрудничество и совместные глобальные цепочки. Однако эта установка себя не оправдала. Несмотря на вступление в 2001 г. в ВТО и полноценную интеграцию в либерализованные западные рынки, Китай выстроил систему изощренного экономического стейткрафта, нацеленную на ослабление могущества США на рынках передового хайтека, в т. ч. путем вепонизации торгово-экономических связей (Tobin, 2025). Это побудило США перейти к политике сдерживания Китая как опасного и авторитарного геополитического соперника. Период первого президентства Д. Трампа отмечен торговой войной с Китаем, период президентства Джо Байдена — продолжением линии сдерживания при восприятии Китая как «самого важного геополитического вызова», а со второй каденцией Трампа взаимное давление сторон друг на друга лишь усилилось (Khong & Liow, 2025).

Примечательно, что подходы двух стран к взаимному соперничеству и использованию в нем инструментов стейткрафта зеркально различаются: Китай претендует на новое мировое технологическое лидерство, а США намерены удержать имеющееся (табл.). Причем если в Вашингтоне противоборство с Китаем стало центральной повесткой геополитики лишь с 2017 г., то Пекин начал готовиться к оспариванию мировой гегемонии США уже с окончанием Холодной войны (Brands, 2025). Сегодня главным направлением соперничества двух сверхдержав является

[1] Согласно концепции Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, получившей нобелевскую премию (2024 г.), к инклюзивным относятся институты, способные поддерживать открытость и активность гражданского общества, права собственности, верховенство закона и демократические ценности (Acemoglu et al., 2019).

стратегически определяющая сфера искусственного интеллекта, к развитию которой они также применяют принципиально разные подходы, отражающие различия в их экономических моделях, сравнительных преимуществах и структуре внутреннего спроса на инновации (в Китае здесь доминирует государство, в США — частные и венчурные фирмы) (Dreyer, 2025).

Размах взаимного противостояния сторон нашел отражение в их стратегических курсах на секьюритизацию промышленной и научно-технологической политик. Обе страны усиливают экономический и технологический национализм, применяя протекционистские меры и выделяя на программы укрепления технологической самодостаточности беспрецедентные бюджетные ассигнования (Смородинская, Катуков, 2024а). Причем у Китая эти траты значительно превышают американские, особенно в сфере полупроводников.

США взяли курс на укрепление безопасности с фокусом на технологическую самодостаточность в период президентства Дж. Байдена (2021–2024 гг.) — в рамках провозглашенной экономической доктрины «Америка прежде всего» (America First, 2021 г.) и на фоне возросшей зависимости от Китая до опасных для экономики масштабов. Принятые в 2022 г. документы (концепция «Современной промышленной политики», Закон «О чипах и науке», Закон «Об ослаблении инфляции») нацеливали на жесткий, но ограниченный декаплинг с Китаем в узком кругу самых передовых секторов при одновременной политике френдшоринга в отношении стран-союзников. При Байдене США планировали достичь самодостаточности в «зеленых технологиях» и завоевать глобальное лидерство в полупроводниковой индустрии — как основы для удержания технологического лидерства в целом. Однако в 2025 г. администрация Трампа кардинально изменила эти установки, сконцентрировав идею «Америка прежде всего» на вопросах торговой политики и тарифного давления на партнеров с целью заключения ими «выгодной для США» экономической сделки (Смородинская и др., 2025)

Таблица

Различие подходов Китая и США к взаимному технологическому соперничеству

Table

Differences in the Approaches of China and the USA to their Technological Rivalry

Задачи Китая — претендента на технологическое лидерство	Задачи США — технологического лидера на страже собственных позиций
Производить: широкая господдержка бизнеса в стратегических секторах, создание технологически независимой производственной базы	*Стимулировать:* поддержка передовых технологических компаний и сферы R&D, укрепление технологических позиций США на рынках стран-союзников
Приобретать: скупка западных компаний и технологий, принуждение западных партнеров к трансферту технологий и локализации производства в обмен на доступ к китайскому рынку	*Сдерживать:* тормозить технологическое развитие Китая через экспортный контроль, санкционирование отдельных китайских компаний, давление на третьи страны против использования китайских технологий
Присваивать: получать безвозмездный доступ к западным технологиям — через сбор открытых данных и обмен студентами, промышленный шпионаж и кражу интеллектуальной собственности	*Охранять:* скрининг входящих китайских ПИИ и ограничение исходящих, запрет на покупку Китаем технологических компаний, пресечение попыток промышленного шпионажа, ограничение студенческих и научных обменов с Китаем

Источник: (Roberts et al., 2019).

Ссылаясь на угрозу национальной безопасности, Д. Трамп единолично анонсировал широкий декаплинг с Китаем по всем секторам, относимым к критическим, и введение заградительных тарифов против наплыва дешевого китайского импорта. Он отменил политику френдшоринга и достигнутые при Байдене торговые соглашения с ключевыми западными партнерами (ЕС, Великобритания, Япония), выдвинув задачу максимальной локализации цепочек поставок — как единственную, в его понимании, гарантию экономической безопасности против агрессивных китайских стратегий «приобретать и присваивать». В 2025 г. новыми стратегическими целями для США стали восстановление доминирования над Китаем по доле в мировом промышленном производстве и завоевание глобального лидерства в трех областях — традиционной энергетике (с отказом от политики зеленого перехода), критических минералах и сфере искусственного интеллекта (ИИ).

Китай взял аналогичный курс еще в 2015 г. в виде программы «Сделано в Китае 2025», а его развертывание представлено в двух широких документах — стратегии «Двойной циркуляции» (2020 г.) и ранее принятой внешнеэкономической инициативе «Пояс и путь», признанной содействовать доминированию Китаю на рынках Глобального Юга. В XIV Пятилетнем плане на 2021–2025 гг. Пекин провозгласил достижение технологической самодостаточности генеральной линией развития, ускоряющей переход экономики к «самодостаточной» модели роста, где ключевую роль играет внутренний спрос. Ориентируясь на максимальное импортозамещение как в полупроводниковой индустрии, так и во всех других новейших секторах (зеленые, космические, биотехнологии и др.), Китай преследует три амбициозные цели: во-первых, гарантировать независимость от Запада на случай любого санкционного сдерживания страны или жесткого декаплинга с США, во-вторых, — создать к 2035 г. глобальные технологические стандарты нового поколения, позволяющие вытеснить США с доминирующих позиций на передовых рынках, в-третьих, — стать к 2049 г. (100-летию образования КНР) центральным хабом мира в области ИКТ и зеленых технологий (Смородинская, Катуков, 2024а).

В 2025 г. для контраста с неопределенностью, вносимой в глобальную систему поставок тарифной политикой Трампа, Китай начал позиционировать себя среди глобального большинства как поборник свободы торговли и игры по правилам, что стало новым атрибутом его борьбы за технологическое и геополитическое влияние.

По сути, оставаясь взаимозависимыми, США и Китай загнали себя в ловушку непримиримой борьбы за глобальное доминирование, стремясь де-факто максимально расширить географию своего технологического контроля как центра силы. Показательна ситуация двустороннего давления обоих соперников на такой приоритетный для них ареал, как быстрорастущие экономики АСЕАН (Khong & Liow, 2025). Считается, что «Холодная война 2.0» между США и Китаем может иметь более масштабные последствия для остального мира и изменения глобального баланса сил, чем Холодная война между США и СССР (Tung et al., 2023; Brands, 2025).

Уже сегодня большинство стран тоже оказались в ловушке, столкнувшись *с дилеммой принудительного геополитического выбора между двумя технологическими гигантами.* Объективная реальность такова, что в глобальных цепочках многих отраслей Китай остается главным мировым поставщиком промежуточных и инвестиционных промышленных товаров, а США — главным мировым рынком спроса на экспортируемую промышленную продукцию. В этих условиях опция эффективного экономического выбора между двумя блоками отсутствует: для нормального

участия в распределенном производстве большинству стран необходимы одновременные связи с обоими игроками. Во избежание этой ловушки крупные экономики Глобального Севера и Глобального Юга и стремятся к технологической самодостаточности, но даже Евросоюз опасается ее недостижимости[1].

Ситуация осложняется тем, что соперничество США и Китая уже не является соревнованием демократичного Запада с авторитарным Востоком. При президентстве Трампа в противостояние вошли, скорее, два недемократичных режима, настроенных на экономический национализм, вепонизацию торговли и перекройку мирового порядка под свои национальные интересы (Tobin, 2025). Так, новая Стратегия национальной безопасности США, утвержденная Трампом в ноябре 2025 г., открыто выстраивает политику на правах сильного, провозглашая возврат к исторически устаревшей доктрине Монро с ее принципом «Америка для американцев»[2]. Теперь этот принцип трактуется как консолидация мощи США в качестве великой державы, которая освобождает себя от обязательств по многосторонним соглашениям, но намерена контролировать Западное полушарие как зону своего влияния и противостоять другим великим державам, таким как Китай и Россия[3]. Идея Трампа выстроить новый глобальный порядок путем договоренности великих держав о разделе сфер влияния (Bremmer, 2026)[4] явно примитивизирует сложную реальность XXI в., выпадая из контекста глобализированных рынков, потребностей современного бизнеса и современной модели распределенного производства.

5. Заключение

Как видим, и в западных, и в незападных исследованиях по геоэкономике, включая работы российских ученых, практически сложился консенсус в отношении того, что возрастание геополитической фрагментации является новым историческим трендом, несущим всем типам стран потери в экономическом потенциале из-за издержек перегруппировки и свертывания связей, возрождения политики протекционизма и экономического национализма. Ключевой движущей силой фрагментации признается непримиримое соперничество США и Китая за глобальное технологическое доминирование, причем исход этого соперничества рассматривается как определяющий фактор в формировании будущего международного порядка и новой системы глобального управления (Li, 2025).

По итогам 2025 г. миру удалось прервать глобальную эскалацию тарифов, инициированную президентом США, и избежать худшего сценария фрагментации, ведущего к глобальной рецессии. Вопреки опасениям, объем мировой торговли не сокра-

[1] European technological sovereignty and digital infrastructure. *European Parliament, 2026*. [Электронный ресурс]. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2026-0022_EN.html (дата обращения: 09.01.2026).

[2] Принцип «Америка для американцев», провозглашенный в 1823 г. президентом США Д. Монро, заявлял о недопустимости дальнейшей колонизации Западного полушария европейскими державами и их вмешательства во внутренние дела стран континента — при встречном обязательстве США не вмешиваться в войны и дела европейских держав. В XX в доктрина часто использовалась США для оправдания собственного вмешательства в дела стран Латинской Америки.

[3] National Security Strategy of the United States of America, November 2025. [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

[4] Bremmer, I. (2026, January 08). Trump's jungle rules. *Project Syndicate*. [Электронный ресурс]. https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-foreign-policy-preying-on-weak-and-vulnerable-by-ian-bremmer-2026-01 (дата обращения: 09.01.2026).

тился, мировые рынки адаптировались к торгово-политическим угрозам Трампа, а его политика тарифного давления уперлась в не менее брутальные встречные меры экономического принуждения со стороны Китая (Клочко и др., 2025).

Однако затухание глобальной торговой войны вовсе не означает снижения градуса стратегического противостояния двух центров силы или возврата мировой экономики к более стабильным правилам игры. Скорее, ее вхождение в 2020-е гг. в фазу несбалансированного транзита будет инерционно поддерживать тренд повышенной геополитической турбулентности, углубления межблоковой фрагментации и глобального снижения экономической эффективности. Статистика торговых потоков 2025 г. фиксирует дальнейшее сокращение взаимных экономических связей между США и Китаем, поляризующее мировую экономику на блоки (Darvas & Lappe, 2026).

Как констатируют многие авторы, единого связного мира больше не существует, а борьба между США и Китаем может пойти до победного конца (Brands, 2025). Другие великие державы продолжают наращивать курс на безопасность в рамках противоречивой доктрины экономического национализма, пытаясь балансировать между приоритетами геополитики и слабо совместимыми с ними приоритетами инновационного развития, между логикой большей закрытости (протекционизм, декаплинг, локализация) и задачей достижения технологического лидерства на тех передовых направлениях («зеленые технологии», сфера ИИ, космические фабрики), которые требуют широкой кооперации между Западом и Востоком.

В научном сообществе опасаются, что жесткое соперничество США и Китая с применением вепонизации как нового экономического оружия может превратиться в схватку двух агрессивных гигантов, от которой бóльшая часть мира проиграет, независимо от того, какая из сторон победит (Tobin, 2025). При этом взаимодействие двух сверхдержав по собственным правилам, где единственным сдерживающим фактором служит фактор силы, создает угрозу глобального заражения (*contagion*), когда другие страны мира будут всё чаще руководствоваться тем же силовым подходом, усугубляя ситуацию неопределенности и геополитической напряженности (Froman, 2025).

Вместе с тем рост сложности современного производства и интересы глобального бизнеса будут объективно препятствовать движению стран к блоковой закрытости, поддерживая глобальную интеграцию через различные механизмы кооперации — образование региональных и двусторонних зон свободной торговли (вместо универсального соглашения типа ВТО), появление множества стран-коннекторов между недружественными блоками и др. (Cheng et al., 2025). Более того, цифровизация и сервитизация производства принципиально меняют модель развития стран, международной торговли и самой глобализации. Как утверждают концепция «новой глобализации XXI века» Р. Болдуина (Baldwin & Forslid, 2023) и влиятельная эмпирическая литература по глобальным цепочкам (WTO, 2025), на смену традиционному товарному экспорту как драйверу роста постепенно приходит экспорт услуг, а на смену промышленным цепочкам — сервисные цепочки, где фирмы из развитых и развивающихся стран свободно торгуют цифровыми производственными услугами и нематериальными активами, не сталкиваясь с какими-либо таможенными барьерами.

Таким образом, с осторожным оптимизмом можно надеяться на то, что, как бы ни складывались сценарии геополитической фрагментации, цифровые технологии и объективный ход технологического прогресса со временем вернут мир к более открытым моделям международных взаимодействий, создавая предпосылки для новых коллективных правил игры и нового подъема экономической интеграции.

Список источников

Афонцев, С. А. (2020). Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности. *На страже экономики, 2020* (2(13)), 27–47. https://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-2-27-47

Жуков, С. В., Масленников, А. О., Резникова, О. Б., Синицын, М. В. (2024). Протекционизм США против меркантилизма Китая. *Мировая экономика и международные отношения, 68* (11), 15–28. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-15-28

Клочко, О., Иллерицкий, Н., Судакова, Ю., Тюшкевич, Ю., Ахунова, А., Кузнецова, М., Резанов, К. (2025). *Мониторинг глобального бизнеса: отраслевые и региональные тренды,* (4/2025). Москва: НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. https://wec.hse.ru/gbm/news/1123642615.html (дата обращения: 10.12.2025).

Кузьмин, В. А., Портанский, А. П. (2025). США — Китай: фактор экономической безопасности усиливает геоэкономическую фрагментацию. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 20* (1), 7–30. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-01

Мальцев, А. А., Чичилимов, С. В. (2025). Укоренение неопротекционизма в мировой экономике XXI века. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (4), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2024a). Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика. *Балтийский регион, 16* (3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2024b). Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность. *Общество и экономика,* (12), 5–25. https://doi.org/10.31857/S0207367624120014

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. (2025). Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146

Тамбовцев, В. Л. (2025). Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? *Вопросы теоретической экономики,* (4), 36–52. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52

Хейфец, Б. А. (2024). *Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?:* Научный доклад. Москва: ИЭ РАН, 110.

Acemoglu, D., Naidu, S., Restrepo, P., & Robinson, J. A. (2019). Democracy does cause growth. *Journal of Political Economy, 127* (1), 47–100. https://doi.org/10.1086/700936

Aiyar, S., Ilyina, A., Chen, J., Kangur, A., Trevino, J., Ebeke, C., Gudmundsson, T., Soderberg, G., Schulze, T., Kunaratskul, T., Ruta, M., Garcia-Saltos, R., & Rodriguez, S. (2023). Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism. *IMF Staff Discussion Notes, 2023* (001), 1. https://doi.org/10.5089/9798400229046.006

Ambrosino, L., Chan, J., & Tenreyro, S. (2026). Trade fragmentation, inflationary pressures and monetary policy. *Journal of International Economics,* 104219. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104219

Atkinson, R. D. (2024). *China is rapidly becoming a leading innovator in advanced industries*. Washington, D.C.: ITIF. [Электронный ресурс]. https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries (дата обращения: 10.12.2025).

Attinasi, M., Boeckelmann, L., & Meunier, B. (2025). The economic costs of supply chain decoupling. *The World Economy, 48* (3), 598–627. https://doi.org/10.1111/twec.13655

Baldwin, R. (2024). China is the world's sole manufacturing superpower: a line sketch of the Rise. *CEPR*. [Электронный ресурс]. https://cepr.org/voxeu/columns/china-worlds-sole-manufacturing-superpower-line-sketch-rise (дата обращения: 10.12.2025).

Baldwin, R., & Forslid, R. (2023). Globotics and development: When manufacturing is jobless and services are tradeable. *World Trade Review, 22* (3–4), 302–311. https://doi.org/10.1017/S1474745623000241

Balzacq, T., Léonard, S., & Ruzicka, J. (2016). 'Securitization' revisited: Theory and cases. *International Relations, 30* (4), 494–531. https://doi.org/10.1177/0047117815596590

Baqaee, D., Hinz, J., Moll, B., Schularick, M., Teti, F. A., Wanner, J., & Yang, S. (2024). *What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy* (No. 170). Kiel Policy Brief. [Электронный ресурс]. https://kielinstitut.de/publications/what-if-the-effects-of-a-hard-decoupling-from-china-on-the-german-economy-17354 (дата обращения: 10.12.2025).

Blackwill, R. D., & Harris, J. M. (2017). *War by other means: Geoeconomics and statecraft*. Cambridge, MA: Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/9780674545960

Brands, H. (2025). Introduction: Lessons from the new Cold War. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 1–16). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Caldara, D., & Iacoviello, M. (2022). Measuring geopolitical risk. *American Economic Review, 112* (4), 1194–1225. https://doi.org/10.1257/aer.20191823

Capri, A. (2024). *Techno-nationalism: How it's reshaping trade, geopolitics and society*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781119766193

Cheng, C. H., Konovalov, O., & Plekhanov, A. (2025). Connector economies in a fragmenting world. *EBRD Working Papers,* (No. 303). [Электронный ресурс]. https://ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/working-papers/connector-economies-fragmenting-world.html (дата обращения: 02.01.2026).

Darvas, Z., & Lappe, M.-S. (2026). European and Chinese exports kept growing despite the 2025 Trump trade shock. *Bruegel*. https://doi.org/10.64153/PPBV2679

De Bolle, M., Cohen-Setton, J., & Sarsenbayev, M. (2025). *The new economic nationalism*. New York, NY: Columbia University Press.

De Soyres, F., Fisgin, E., Gaillard, A., Santacreu, A. M., & Young, H. L. (2025). The sectoral evolution of China's trade. *FEDS Notes*. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3713

Dreyer, J. (2025). China made waves with Deepseek, but its real ambition is AI-driven industrial innovation. *Nature, 638* (8051), 609–611. https://doi.org/10.1038/d41586-025-00460-1

Drezner, D. W. (2024). Global economic sanctions. *Annual Review of Political Science, 27* (1), 9–24. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240

Farrell, H., & Newman, A. (2025). The weaponized world economy: Surviving the new age of economic coercion. *Foreign Affairs, 104* (5), 8–25.

Fernández-Villaverde, J., Mineyama, T., & Song, D. (2024). Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect. *NBER Working Papers,* (No. 32638). https://doi.org/10.3386/w32638

Friesenbichler, K. S., Kügler, A., & Reinstaller, A. (2024). The impact of import competition from China on firm-level productivity growth in the European Union. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 86* (2), 236–256. https://doi.org/10.1111/obes.12574

Froman, M. B. G. (2025). After the trade war: Remaking rules from the ruins of the rules-based system. *Foreign Affairs, 104* (5), 60–74.

Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics, 153,* 104042. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

Hakobyan, S., Meleshchuk, S., & Zymek, R. (2023). Divided we fall: Differential exposure to geopolitical fragmentation in trade. *IMF Working Papers,* (No. WP/23/270). https://doi.org/10.5089/9798400262302.001

Hauge, J., Houtzager, B., & Hörmann, A. J. (2025). The new economic nationalism: Industrial policy and national security in the United States, China, and the European Union. *Geoforum, 166,* 104382. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2025.104382

Ing, L. Y., & Rodrik, D. (Eds.) (2025). *The new global economic order*. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384

Javorcik, B., Kitzmüller, L., Schweiger, H., & Yıldırım, M. A. (2024). Economic costs of friendshoring. *The World Economy, 47* (7), 2871–2908. https://doi.org/10.1111/twec.13555

Kennedy, P. M. (1987). *The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000.* New York, NY: Random House.

Khong, Y. F., & Liow, J. C. (2025). Southeast Asia is starting to choose: Why the region is leaning toward China. *Foreign Affairs, 104*(4), 151–161.

Konrad, K. A. (2024). Dominance and technology war. *European Journal of Political Economy, 81,* 102493. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102493

Li, X. (2025). Conceptualizing China–U.S. rivalry through the lens of globalization in an era of changing structure-agency dynamics. *Globalizations,* 1–19. https://doi.org/10.1080/14747731.2025.2525037

Lind, J. (2026, February 10). China's smart authoritarianism. *Foreign Affairs*. [Электронный ресурс]. https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-smart-authoritarianism (дата обращения: 11.02.2026).

Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest,* (20), 17–23.

Mariotti, S. (2024). "Win-lose" globalization and the weaponization of economic policies by nation-states. *Critical Perspectives on International Business, 20*(5), 638–659. https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089

Mohr, C., & Trebesch, C. (2025). Geoeconomics. *Annual Review of Economics, 17*(1), 563–587. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-092424-111952

Norring, A. (2024). *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism* (No. 2/2024). BoF Economics Review. [Электронный ресурс]. https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2024031811700 (дата обращения: 02.01.2026).

Panon, L., Lebastard, L., Mancini, M., Borin, A., Caka, P., Cariola, G., Essers, D., Gentili, E., Linarello, A., Padellini, T., Requena Silvente, F., & Timini, J. (2024). Inputs in distress: Geoeconomic fragmentation and firms' sourcing. *Bank of Italy Occasional Papers,* (No. 861). https://doi.org/10.2139/ssrn.5254096

Policymaking is all about Trade-Offs. (2024, April 01). *Council on Foreign Relations*. [Электронный ресурс]. https://cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs (дата обращения: 02.04.2024).

Quah, D. (2025). Correlated trade and geopolitics driving a fractured world order. In L.Y. Ing, D. Rodrik (Eds.), *The new global economic order* (pp. 54–66). London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384-5

Roberts, A., Choer Moraes, H., & Ferguson, V. (2019). Toward a geoeconomic order in international trade and investment. *Journal of International Economic Law, 22*(4), 655–676. https://doi.org/10.1093/jiel/jgz036

Tobin, L. (2025). America first vs. China's brute force economics. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 17–34). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Tung, R. L., Zander, I., & Fang, T. (2023). The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research. *International Business Review, 32*(6), 102195. https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102195

WIPO. (2025). *Global innovation index 2025. Innovation at a crossroads*. https://doi.org/10.34667/tind.58864

WTO. (2025). *Global value chain development report 2025: Rewiring GVCs in a changing global economy.* https://doi.org/10.30875/9789287085641

References

Acemoglu, D., Naidu, S., Restrepo, P., & Robinson, J. A. (2019). Democracy does cause growth. *Journal of Political Economy, 127*(1), 47–100. https://doi.org/10.1086/700936

Afontsev, S. A. (2020). Conceptual framework for the analysis of national and international economic security. *Na strazhe ekonomiki [The Economy under Guard], 2020*(2(13)), 27–47. https://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-2-27-47 (In Russ.)

Aiyar, S., Ilyina, A., Chen, J., Kangur, A., Trevino, J., Ebeke, C., Gudmundsson, T., Soderberg, G., Schulze, T., Kunaratskul, T., Ruta, M., Garcia-Saltos, R., & Rodriguez, S. (2023). Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism. *IMF Staff Discussion Notes, 2023*(001), 1. https://doi.org/10.5089/9798400229046.006

Ambrosino, L., Chan, J., & Tenreyro, S. (2026). Trade fragmentation, inflationary pressures and monetary policy. *Journal of International Economics,* 104219. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104219

Atkinson, R. D. (2024). *China is rapidly becoming a leading innovator in advanced industries*. Washington, D.C.: ITIF. https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries (Date of access: 10.12.2025).

Attinasi, M., Boeckelmann, L., & Meunier, B. (2025). The economic costs of supply chain decoupling. *The World Economy, 48* (3), 598–627. https://doi.org/10.1111/twec.13655

Baldwin, R., & Forslid, R. (2023). Globotics and development: When manufacturing is jobless and services are tradeable. *World Trade Review, 22* (3–4), 302–311. https://doi.org/10.1017/S1474745623000241

Balzacq, T., Léonard, S., & Ruzicka, J. (2016). 'Securitization' revisited: Theory and cases. *International Relations, 30* (4), 494–531. https://doi.org/10.1177/0047117815596590

Baqaee, D., Hinz, J., Moll, B., Schularick, M., Teti, F. A., Wanner, J., & Yang, S. (2024). *What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy* (No. 170). Kiel Policy Brief. https://kielinstitut.de/publications/what-if-the-effects-of-a-hard-decoupling-from-china-on-the-german-economy-17354 (Date of access: 10.12.2025).

Blackwill, R. D., & Harris, J. M. (2017). *War by other means: Geoeconomics and statecraft*. Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/9780674545960

Brands, H. (2025). Introduction: Lessons from the new Cold War. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 1–16). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Caldara, D., & Iacoviello, M. (2022). Measuring geopolitical risk. *American Economic Review, 112* (4), 1194–1225. https://doi.org/10.1257/aer.20191823

Capri, A. (2024). *Techno-nationalism: How it's reshaping trade, geopolitics and society*. John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781119766193

Cheng, C. H., Konovalov, O., & Plekhanov, A. (2025). Connector economies in a fragmenting world. *EBRD Working Papers,* (No. 303). https://ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/working-papers/connector-economies-fragmenting-world.html (Date of access: 02.01.2026).

Darvas, Z., & Lappe, M.-S. (2026). European and Chinese exports kept growing despite the 2025 Trump trade shock. *Bruegel*. https://doi.org/10.64153/PPBV2679

De Bolle, M., Cohen-Setton, J., & Sarsenbayev, M. (2025). *The new economic nationalism*. Columbia University Press.

De Soyres, F., Fisgin, E., Gaillard, A., Santacreu, A. M., & Young, H. L. (2025). The sectoral evolution of China's trade. *FEDS Notes*. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3713

Dreyer, J. (2025). China made waves with Deepseek, but its real ambition is AI-driven industrial innovation. *Nature, 638* (8051), 609–611. https://doi.org/10.1038/d41586-025-00460-1

Drezner, D. W. (2024). Global economic sanctions. *Annual Review of Political Science, 27* (1), 9–24. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240

Farrell, H., & Newman, A. (2025). The weaponized world economy: Surviving the new age of economic coercion. *Foreign Affairs, 104* (5), 8–25.

Fernández-Villaverde, J., Mineyama, T., & Song, D. (2024). Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect. *NBER Working Papers,* (No. 32638). https://doi.org/10.3386/w32638

Friesenbichler, K. S., Kügler, A., & Reinstaller, A. (2024). The impact of import competition from China on firm-level productivity growth in the European Union. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 86* (2), 236–256. https://doi.org/10.1111/obes.12574

Froman, M. B. G. (2025). After the trade war: Remaking rules from the ruins of the rules-based system. *Foreign Affairs, 104* (5), 60–74.

Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics, 153,* 104042. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

Hakobyan, S., Meleshchuk, S., & Zymek, R. (2023). Divided we fall: Differential exposure to geopolitical fragmentation in trade. *IMF Working Papers,* (No. WP/23/270). https://doi.org/10.5089/9798400262302.001

Hauge, J., Houtzager, B., & Hörmann, A. J. (2025). The new economic nationalism: Industrial policy and national security in the United States, China, and the European Union. *Geoforum, 166,* 104382. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2025.104382

Ing, L. Y., & Rodrik, D. (Eds.) (2025). *The new global economic order.* Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384

Javorcik, B., Kitzmüller, L., Schweiger, H., & Yıldırım, M. A. (2024). Economic costs of friendshoring. *The World Economy, 47*(7), 2871–2908. https://doi.org/10.1111/twec.13555

Kennedy, P. M. (1987). *The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000.* Random House.

Kheyfets, B. A. (2024). *Stanet li sovremennaya geopoliticheskaya fragmentatsiya dolgovremennoy tendentsiey novoy regionalizatsii global'nogo ekonomicheskogo prostranstva? [Will contemporary geopolitical fragmentation become a long-term trend of new regionalization of the global economic space?: Scientific report].* Moscow: IE RAS, 110. (In Russ.)

Khong, Y. F., & Liow, J. C. (2025). Southeast Asia is starting to choose: Why the region is leaning toward China. *Foreign Affairs, 104*(4), 151–161.

Klochko, O., Illeritskiy, N., Sudakova, Yu., Tyushkevich, Yu., Akhunova, A., Kuznetsova, M., & Rezanov, K. (2025). *Monitoring global'nogo biznesa: otraslevyye i regional'nyye trendy [Global Business Monitor: Industry and Regional Trends],* (4/2025). Moscow: HSE Publishing House. https://wec.hse.ru/gbm/news/1123642615.html (Date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Konrad, K. A. (2024). Dominance and technology war. *European Journal of Political Economy, 81,* 102493. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102493

Kuzmin, V. A., & Portanskiy, A. P. (2025). US-China: Economic Security Factor Amplifies Geo-Economic Fragmentation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy [International Organisations Research Journal], 20*(1), 7–30. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-01 (In Russ.)

Li, X. (2025). Conceptualizing China–U.S. rivalry through the lens of globalization in an era of changing structure-agency dynamics. *Globalizations,* 1–19. https://doi.org/10.1080/14747731.2025.2525037

Lind, J. (2026, February 10). China's smart authoritarianism. *Foreign Affairs*. https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-smart-authoritarianism (Date of access: 11.02.2026).

Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest,* (20), 17–23.

Maltsev, A. A., & Chichilimov, S. V. (2025). Entrenchment of neo-protectionism in global economy of 21st century. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(4), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14 (In Russ.)

Mariotti, S. (2024). "Win-lose" globalization and the weaponization of economic policies by nation-states. *Critical Perspectives on International Business, 20*(5), 638–659. https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089

Mohr, C., & Trebesch, C. (2025). Geoeconomics. *Annual Review of Economics, 17*(1), 563–587. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-092424-111952

Norring, A. (2024). *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism* (No. 2/2024). BoF Economics Review. https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2024031811700 (Date of access: 02.01.2026).

Panon, L., Lebastard, L., Mancini, M., Borin, A., Caka, P., Cariola, G., Essers, D., Gentili, E., Linarello, A., Padellini, T., Requena Silvente, F., & Timini, J. (2024). Inputs in distress: Geoeconomic fragmentation and firms' sourcing. *Bank of Italy Occasional Papers,* (No. 861). https://doi.org/10.2139/ssrn.5254096

Policymaking is all about Trade-Offs. (2024, April 01). *Council on Foreign Relations*. https://cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs (Date of access: 02.04.2024).

Quah, D. (2025). Correlated trade and geopolitics driving a fractured world order. In L.Y. Ing, D. Rodrik (Eds.), *The new global economic order* (pp. 54–66). London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384-5

Roberts, A., Choer Moraes, H., & Ferguson, V. (2019). Toward a geoeconomic order in international trade and investment. *Journal of International Economic Law, 22* (4), 655–676. https://doi.org/10.1093/jiel/jgz036

Smorodinskaya, N. V., & Katukov, D. D. (2024a). Moving towards technological sovereignty: a new global trend and the Russian specifics. *Baltiyskiy region [Baltic Region], 16* (3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6 (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., & Katukov, D. D. (2024b). A global turn in national industrial strategies: the move towards technological self-sufficiency. *Obshchestvo i ekonomika [Society and economy],* (12), 5–25. https://doi.org/10.31857/S0207367624120014 (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., & Malygin, V. E. (2025). Trumponomics as the apotheosis of economic and technological nationalism. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146 (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2025). Does the new world economic order need a new economic theory? *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (4), 36–52. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52 (In Russ.)

Tobin, L. (2025). America first vs. China's brute force economics. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 17–34). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Tung, R. L., Zander, I., & Fang, T. (2023). The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research. *International Business Review, 32* (6), 102195. https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102195

WIPO. (2025). *Global innovation index 2025. Innovation at a crossroads.* https://doi.org/10.34667/tind.58864

WTO. (2025). *Global value chain development report 2025: Rewiring GVCs in a changing global economy.* https://doi.org/10.30875/9789287085641

Zhukov, S. V., Maslennikov, A. O., Reznikova, O. B., & Sinitsyn, M. V. (2024). U.S. protectionism against China's mercantilism. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 68* (11), 15–28. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-15-28 (In Russ.)

Информация об авторе

Смородинская Наталия Вадимовна — кандидат экономических наук, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0002-4741-9197 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: smorodinskaya@gmail.com).

About the author

Nataliya V. Smorodinskaya — Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-4741-9197 (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: smorodinskaya@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 14.01.2026.
Прошла рецензирование: 20.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 14 Jan 2026.
Reviewed: 20 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.